К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ СЛОВ

БЕЛА ШУЛАН
Дебреценский Университет, ВНР

1. В предлагаемой работе хотелось бы обратить внимание на два вывода принципиального характера, установленные по ходу работ в области исследования венгерско-славянских лексических взаимосвязей.

Как известно, с начала 19-го века, когда вследствие создания и применения сравнительно исторического метода языкознание стало наукой, в основу работ этимологов — главным образом с 70-ых годов — легли почти исключительно историко-фонетические соображения. Только позднее некоторые специалисты попытались применять факты семантического порядка, поскольку это было необходимо и возможно. В ряду этих ученых надо упомянуть прежде всего имя румынского языковеда — Овида Денсушяну, который использовал семантические совпадения там, где возникали фонетические затруднения, и который зашел впоследствии так далеко в этом направлении, что предпочитал семантическую сторону историко-фонетической[1]). Можно вспомнить также и о чешском ученом — Вацлаве Махеке[2]), занимавшем выдающееся место с точки зрения методики среди специалистов по славянской этимологии, вместе с его известным словацким последователем — Шимоном Ондрушем[3]). Оценивая деятельность этих языковедов можно установить, что они показали выход из тупика младограмматической школы в области этимологии, тупика, замеченного многими известными деятелями языкознания уже на несколько десятилетий раньше; показали именно тем, что придавали большое значение анализу семантической стороны, принимали в расчет соображения семантического порядка. Эти ученые своими работами доказали,

---

[1]) По любезному устному сообщению Гаврила Истрате, профессора ясского университета.

[2]) Ср. в чешском этимологическом словаре В. Махека (Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957) напр. следующие словарные статьи: *strach* (475), *špice* (509—10), *veles* (560) и т. д., а также статью Ш. Ондруша об этом вопросе: Nad etymologickým slovníkom jazyka českého a slovenského. Jazykovedný časopis IX (1958), 144—62. особ. 2. абзац, стр. 147.

[3]) Ср., напр., следующие этимологические статьи Ш. Ондруша: K etymologickému výkladu indoeurópskych pomenovaní strachu. Jazykovedný časopis X (1959), p. 7—19.,— Slovanské etymológie (I. *sluga*, II. *cholpъ*, III. *Stribogъ*). Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica X (1958), p. 79—92.

что *одностороннее* применение фонетических и историко-фонетических данных в области этимологии на современном уровне языкознания уже недостаточно, потому что оно стало механическим методом, выражающим и отражающим механистическую основную концепцию, неспособным содействовать раскрытию многогранности проблематики и внутренней диалектики заимствования слов [4]).

Итак, учет семантического фактора является безусловным шагом вперед в развитии этой отрасли языкознания, в области исследования и более точного познания исторических изменений словаря, лексических взаимосвязей между разными языками.

Однако в процессе исследования взаимных лексических связей между славянскими языками и венгерским языком нам становилось ясным, что даже совместный учет историко-фонетических и семантических факторов не всегда удовлетворителен, если мы хотим установить внутренние закономерности, действующие по ходу заимствований. Причину этого мы усматриваем в том, что этимологи не принимают в расчет морфологическую сторону слова как в языке-источнике, так и в заимствующем языке, т. е. не применяют *морфологическую точку зрения.*

Оба наши положения касаются роли морфологической (морфонологикеской) структуры соответствующих языков (языка-источника и заимствующего языка) в процессе заимствования слов. Так как морфология вообще является одной из характерных сторон языка, несомненно, в частности, что в разных языках фонетическое строение — т. е. морфонологическая структура — слова является одной из наиболее характерных, наиболее свойственных сторон данного языка. Морфологические совпадения являются одним из критериев языкового родства: по своей морфологической структуре родственные языки являются исторически, — по сути дела, — безусловно тождественными; они и в своем современном состоянии стоят вообще ближе друг к другу, чем языки неродственные. Отсюда вытекает, что в случае родственных языков роль морфонологического строения слова возрастает по мере отдельного развития данных языков: т. е. чем раньше произошло заимствование между родственными языками, тем меньше роль морфонологического фактора и наоборот; наибольшую роль морфонологический фактор играет в случае заимствований между генетически не связанными языками, языками неродственными.

I

2. Наш первый вывод может быть сформулирован так: по ходу своей работы этимолог должен учитывать систему морфонологического строения слова как в языке-источнике, так и в заимствующем языке; в противном случае он не в состоянии будет обнаружить настоящий

---

[4]) Семантическая сторона учитывается и в наших этимологических статьях. Ср., напр.: Das Fortleben des altslavischen Wortstammes *šęt* — fremere, im Ungarischen. «Studia Slavica» IV (1958), p. 404—8.—Zum Ursprung und zur Semantik des mitteleuropäischen Wortes *pajdaš* ~ *pajtaš*, там же p. 409—15.—Etymologisches. Там же V, (1959), p. 153—72.

характер изменений, происходящих по ходу заимствования в звуковой оболочке слова: не может отделить фонетические явления (изменение звука, замену звука) от морфологических (от замены форманта или заимствования морфологических вариантов).

Венгерский язык с одной стороны и славянские с другой — языки неродственные. Так, напр., в славянских языках склонение, — типы склонений, — обусловлены грамматическими родами и основами. А в грамматической системе венгерского языка нет категории грамматического рода, не играют роли в склонении также и звуки основы (конечно, за исключением явлений гармонии гласных, характерной для венгерского языка, вследствие которой гласные суффиксов могут быть разными в зависимости от гласных основы). Из этого следует, что напр. морфонологическое строение существительных в славянских языках и в венгерском показывает чрезвычайно большие расхождения. Последствия этого положения дают о себе знать при заимствовании слов, в оформлении звукового состава заимствованного слова.

Так, напр., венгерские слова с окончанием на *-е*, попав в какой-нибудь из славянских языков, изменяются в слова с окончанием на *-а*. Ср.[5]: а) в словацком[6]: венг. *cinege*, синица; **meancha, saix**; **meise** > словацкое *cinega* то же | венг. *csipke* кружева; **fimbria clavicula**'a, **limbus denticulatus; spitzen (an kleidern** > словацкое *čipka* то же | венг. *kefe*, щетка; **muscarium setaceum**; **bürste** > словацкое *kefa* то же | венг. *térzene* концерт (военного) оркестра на открытом воздухе > словацкое *terzena* то же;

б) в чешском: венг. *fene* дикий (дикий зверь, заостряющий зубы); **ferox; wild** > чешское *fena* сука;

в) в закарпатско-украинском: венг. *fene* (ср. предыдущий чешский пример) > закарпатско-укр. *фена* (как в чешском) | венг. *füge* фига; **ficus; feige** > закарпатско-укр. *фига* то же | венг. **ice** мера вина; **iusta,**

---

[5]) Языковые примеры даются следующим образом. После соответствующего слова (набранного курсивом) приводится его значение на русском языке (в случае необходимости значение дается и на немецком или латинском языке).

[6]) Чешский и польский лексический материал взят из рукописного собрания автора. Лексический материал по другим славянским языкам почерпнут из следующих источников: *Halász Ignác,* Magyar elemek az északi szláv nyelvekben (Венгерские элементы в северно-славянских языках). „Magyar Nyelvőr" XVII—XVIII. — *Melich János,* Adatok a szlávság magyar elemeihez. (Данные о венгерских элементах в славянских языках). „Nyelvtudományi Közlemények" (в дальнейшем сокр.: NyK.) XXV, 288—303; *Jozef Szabó,* Mad'arské elementy v slovenskych nárečiach v Gemeri. Linguistica Slovaca I—II, p. 183—9; *Pavel Ondrus,* Stredoslovenské nárečia v Mad'arskej l'udovej republike. SAV Bratislava 1956, 305—6; *Jozef Štolc,* Nárečie troch slovenskych ostrovov v Mad'arsku. SAV Bratislava 1949; *A. Bonkáló,* Die ungarländischen Ruthenen (III. Hungarismen in der ugrorussischen Kultur). Ungarische Jahrbücher I. p. 318—41; *Csopey László,* Magyar szók a rutén nyelvben. (Венгерские слова в закарпатско-украинских говорах). NyK. XVI, 270—94; *Munkácsi Bernát,* Magyar elemek a déli szláv nyelvekben. (Венгерские элементы в южно-славянских языках). NyK. XVII, p. 66—126; *L. Hadrovics,* Neki problemi mađarskih elementa u serpskohrvatskom jeziku. Beogradski međunarodni slavisticki sastanak. Beograd 1957. p. 503—10; *Gyula Décsy,* Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Ural-altaische Bibliothek VII. Wiesbaden 1959; Ст. Стойков, Унгарски заемки в банатския говор. Език и литература XIV (1959), p. 176—190.

media (mensura liquidi), cotula; gewisses weinmass, eine halbe mass > закарпатско-укр. *иця* то же;

г) в сербо-хорватском: венг. *kecele* фартук, передник; **fortuch** > сербо-хорватское *kecelja* то же | венг. *remete* отшельник, пустынник; **eremita, anachoreta; einsiedler, waldbruder** > сербо-хорватское *remeta* то же.

3. Для этимолога, принимающего в расчет только фонетический или историко-фонетический фактор и пренебрегающего морфонологическим строением слова, в перечисленных примерах выступает только изменение фонетического порядка: *-e* > *-a*, хотя, по сути дела, данное явление носит морфологический характер[7]). В венгерском языке *-e* может стоять в абсолютном конце слова после любого согласного в именительном падеже существительных. А в славянских языках в абсолютном конце напр. существительных, этот же звук не может стоять после твердых согласных. В свете этих факторов должно быть ясным, что в изменении конечного венг. *-e* в конечное *-a* в славянских языках надо усматривать не фонетическое (звуковое изменение *-e* > *-a*), а морфологическое явление (по сути дела: замену венг. *-e* на слав. формант *-a*), что является последствием необходимости органического включения заимствованного слова в морфологическую систему заимствующего языка[8]).

Такая же замена форманта наблюдается и по отношению ко взаимным лексическим связям родственных языков в том случае, если в морфологической структуре этих языков наблюдаются заметные расхождения, как напр. в случае чешского и словацкого с одной стороны и немецкого с другой.

Конечное *-e* (стоящее после твердых согласных) в немецких существительных при их заимствовании чешским языком изменяется в конечное *-a* в целях органического включения этих слов в систему склонений (в морфологическую систему) чешского языка. Так, немецкое (в дальнейшем: н.) *borte* борт, край > чешское (в дальнейшем: ч.) диалектальное *porta* то же | н. *decke* покрывало > ч. *deka* то же | н. *flinte*, винтовка, > ч. *flinta*, то же | н. *halde* отвальное место (в горной промышленности) > ч. *halda* то же | н. *mine* шурф, подкоп мина (воен.) > ч. *mina* то же | н. *patrone* петарда > ч. *patrona* то же | н. *perle* жемчуг > ч. *perla*, то же | н. *plombe* пломба > ч. *plomba* то же | н. *pompe*

---

[7]) Мысль о том, что замена венг. *-e* на абсолютном исходе слова звуком *-a* в славянских языках есть по сути дела явление не фонетического, а морфологического порядка была высказана уже несколько десятилетий раньше словацким языковедом Л. Новаком. Ср. его сделанное вскользь (и поставленное в скобках) замечание по поводу происхождения звука *-a* на месте венг. *-e* в основе некоторых древне-венгерских заимствований в словацком языке: „Etant donné que le premier *e* de *teve* est ouvert (*le deuxième n'a pas d'importance, parce que la substitution y est d'ordre morphologique)*, il est bien possible qu'il a pu être remplacé par un *a* slovaque". (Подчеркнуто мною. Б. Ш.) *L'udevit Novák*, Le changement *e* > *a* dans les mots slovaques empruntés au hongrois et à l'allemand. ČMF. (Časopis pro moderní filologii) XX, p. 243.

[8]) Об этом свидетельствуют, напр. и заимствования из других финно-угорских языков в русском. Ср.: А. К. Матвеев, Некоторые вопросы освоения диалектных заимствований. (На материале заимствований из финно-угорских языков). „Studia Slavica" V (1959), p. 429—37, особ. 2-ой абзац пункта А. на стр. 434.

пышность, почесть > ч. *pompa* то же и т. д. В то же время надо отметить, что в чешском языке существуют и иные способы удаления конечных немецких *-e*, с целью включения данных слов в систему чешских склонений. Так, напр., чешская заимствованная форма н. *decke* покрывало у Яна Гуса: *dek*, т. е. без форманта. В других существительных, заимствованных из немецкого, конечное *-e* заменено в чешском суффиксом *-na*, имеющим вульгарный стилистический оттенок: н. *alabarde* алебарда > ч. *halapartna* то же | н. *mistgrube* мусорная яма > ч. *mistgrubna* то же | н. *platte* плита > ч. *plotna* то же и т. д.

Это же явление известно нам и в обратном направлении. В словах, заимствованных немецким языком из чешского или словацкого, конечное *-a* заменяется конечным *-e*. Напр.: др.-ч. *houfnica* род старинной пушки > н. *haubitze* то же, | др.-ч. *jucha* отвар > н. *jauche* плохое пиво, | словацкое (в дальнейшем: сл.) *baba* сорт блинов, изготовленных из тертого сырого картофеля и муки > н. диал. (в прежнем комитате Спиш) *babe* то же | сл. *buchta* сорт сдобной булки > н. диал. (в прежнем комитате Спиш) *buchte* то же | сл. *družba* дружка > н. диал. (в прежнем комитате Спиш) *Truschbe* то же | сл. *núdza* беда, нищета > н. диал. (в прежнем комитате Спиш) *nuse* то же | сл. *šuba* шуба > н. диал. (в прежнем комитате Спиш) *schaube* то же[9]).

II

4. Авторы руководств по общему языкознанию, а также и этимологи придерживаются вообще того мнения, что после заимствования слово „... обыкновенно в основном остается той частью речи, какой оно было на своей родной почве; это относится также и к формам словообразования вроде числа. Хотя так бывает и не всегда, но в подавляющем большинстве случаев слова заимствуются в обличье именительного, а не других падежей...“[10]).

Однако известно, что в разных языках есть некоторые заимствованные слова, освоенные в заимствующем языке не в форме именительного, а одного из косвенных падежей. Л. А. Булаховский указывает (см. ук. м.), что русское *лошадь* заимствовано из одного из тюркских языков с окончанием местного падежа *-de*, в функции именительного падежа (первоначальное значение „на лошади“), но отмечает относительную редкость такого явления. Однако тут же он обращает внимание на категорию русских слов, заимствованных из немецкого не в их прямом формальном значении, а в значении им. п. ед. ч. Таковы, напр.: р. *розан* цветок розы < н. *rosen* (им. п. мн. ч.) розы | р. *клапан* < н. *klappen* (им. п. мн. ч.) клапаны | р. *локон* < н. *locken* (им. п. мн. ч.) кудри. По мнению Л. А. Булаховского в первых двух из этих слу-

---

[9]) Примеры немецких диалектов на словацкой языковой территории взяты нами из *Robert L. Rudolf*, Die slovakischen Lehnwörter im Inseldeutschen in der Slovakei. „Linguistica Slovaca“ I—II, p. 151—165.

[10]) Л. А. Булаховский, Введение в языкознание. ч. II. Учпедгиз, М. 1953. стр. 123.

чаев произошло уподобление немецкого окончания им. п. мн. ч. русскому суффиксу *-ан* (см. ук. м.) [11]).

Как раз эти случаи, рассматриваемые как редкие исключения, наводят нас на мысль о том, что тезис о форме заимствованных слов надо сформулировать точнее, а именно: если заимствование происходит между такими близко родственными языками, морфологическая система которых по сути дела еще одинакова, имена существительные переходят из одного языка в другой в форме им. п. ед. ч. А когда заимствование осуществляется между далеко родственными или неродственными языками, имена существительные могут заимствоваться в форме им. п. ед. ч., но могут заимствоваться и в форме какого-нибудь другого падежа и числа, или вообще в какой-нибудь другой грамматической форме.

Как нам кажется, приведенная более точная формулировка подтверждается не только примерами Л. А. Булаховского, цитированными выше, но и большим множеством фактов из области венгеро-славянских лексических взаимосвязей[12]). Вот несколько примеров из этой области:

а) Чешское ***palcát*** старинное оружие в роде копья < венг. ***pálcát*** — т. е. слово ***pálca*** заимствовалось в форме вин. п. ед. ч. суффиксом которого и является *-t*. (Венг. ***pálca*** палка — заимствованное в свою очередь из словацкого ***palica*** палка — в древности обладало и значением вид метательного оружия; iaculum, telum). Заимствование этого

---

[11]) Надо отметить, что мнение Л. А. Булаховского несколько отличается от наших взглядов. Как видно, он усматривает в замене немецкого *-en* русским *-ан* только уподобление, значит явление фонетического порядка, тогда как в этом и ему подобных случаях, на наш взгляд, выступает явление морфологическое — замена форманта. Далее, Л. А. Булаховский и не ставит вопроса о том, почему в этом и вообще в подобных случаях заимствовались слова не в форме им. п. ед. ч. По нашему мнению подобные морфологические варианты, выступающие по ходу заимствования, свидетельствуют о том, что заимствование произошло не в двуязычной среде (т. е. люди русской языковой среды, заимствующие данное слово, не дотрагивались до морфологического состава слова) и данные слова в данных формах заимствовались как в формах, наиболее часто встречаемых, но понимаемых в функции им. п. ед. ч.

[12]) В настоящей работе данные топонимики не приводятся. Но в венгерской научной литературе этой области известно большое количество примеров того, что венгерское нарицательное существительное, наделенное окончанием иллятива *-ba*/*-be* или инессива *-ban*/*-ben* перешло в такой своей форме в румынский язык и там оно стало названием местности (в венгерском разговорном языке и в диалектах иллятив и инессив уже давно совпали в одну общую форму, с первоначальным окончанием иллятива *-ba*/*-be*). Некоторые из этих топонимов впоследствии перешли обратно в венгерский язык, уже как собственные имена, и здесь они опять подвергаются склонению. Так, венг. нарицательное существительное *malom* мельница; mühle в форме иллятива и инессива *malomba* в мельницу, в мельнице; in die (der) mühle дало в румынском топоним *Malomba*; из того > венг. *Malomba* топоним, форма иллятива или инессива которого: *Malombába*. Об этой категории топонимов неоднократно писали Д. Паиж, И. Книежа и особенно — Атила Т. Сабо, профессор клужского университета. Последний недавно собрал многочисленные румынско-венгерские данные этого типа в исследовании „Az *Isztambul,* illetőleg *Malomba* tipusú helynévkölcsönzés kérdéséhez" (К вопросу о заимствованиях типа *Isztambul, Malomba*); там же приводится полная библиография венгерских работ, относящихся к этой проблематике. (Эта работа проф. Сабо выйдет в т. VII серии сборников „Magyar Nyelvjárások" (Венгерские говоры) в 1961 г., в издании дебреценского университета.

слова в форме вин. п. ед. ч. объясняется, очевидно, тем, что по ходу военных сношений часто были слышны венгерские приказы вроде „**Pálcát szegezz!**", копье приготовить!, „**Hajitsd a pálcát!**" Копье метать! Слово **palcát** является древним заимствованием из венгерского: по нашим данным оно впервые засвидетельствовано в чешском языке в 1484 г. Вторичное значение этого слова, известное и в современном чешском языке — скипетр, а также и третичное — знак судебной власти известны и в древневенгерском, однако возможно, что эти значения являются уже результатом самостоятельного чешского семантического развития. (См.: *B. Sulán Sur quelques éléments hongrois du vocabulaire tchèque*. „Studia Slavica" III (1957), p. 279—298).

Чешское арготическое *házba* дом < венг. *házba* в дом, — т. е венг. существительное *ház* дом заимствовалось в форме иллятива, окончанием которого является *-ba*, или в форме инессива с окончанием *-ban*, которое в разговорном языке давно уже совпало с иллятивным *-ba*[13]).

Чешское арготическое *katanák* солдат < венг. *katonák* солдаты — слово заимствовалось в форме им. п. мн. ч. (*-k* является знаком множественного числа, нулевое падежное окончание означает им. п.), т. е. в форме, встречаемой наиболее часто (ср. прим. 13).

Чешское *kobza* древний струнный щипковый музыкальный инструмент, кобза < венг. *koboz* то же в форме с притяжательной прилепой (поссессивным суффиксом) третьего лица ед. ч. *-a*: его кобза (само венг. *koboz* из турецкого *qopuz*). Это одно из довольно древних заимствований: впервые засвидетельствовано по нашим данным в 3-ем издании чешского словаря Вусина. (Более подробно см. в нашей статье, цитированной в связи со словом *palcát*).

б) Из словацкого языка: сл. арготическое *emberek*[14]), человек; **ein mann** < венг. *ember* то же в форме им. п. мн. ч. *emberek* (— конечное *-k* является знаком мн. ч., а предшествующее *-e* — соединительным гласным). И здесь заимствовалась форма, наиболее часто встречаемая (ср. со сказанным о *katanák*).

Сл. *kapura* ворота < венг. *kapu* то же, в форме с окончанием латива *-ra* (*kapura* на ворота). Заимствование, возможно, восходит к осадам крепостей и укрепленных городов, когда словаки часто могли слышать форму „*kapura*"*!* на ворота!, в виде приказа.

Сл. *sara* голенище < венг. (**csizma**) *szára* то же; словацкая форма восходит ко второй части венгерского сложного слова с указанным значением. Безаффиксная форма соответствующего венг. существительного *szár*; *szára* это форма, снабженная притяжательной прилепой третьего лица ед. ч. (Ср. с чешским примером *kobza*).

в) Из закарпатско-украинских говоров: *капура* ворота < венг. *kapu* то же + окончание латива *-ra* (ср. с соответствующим словацким примером).

---

[13]) Венгерские элементы в чешском арго автором настоящей статьи подробно рассматриваются в его статье „Венгерские элементы чешского арго", выходящем в сборнике в честь академика Я. В. Дорошевского.

[14]) Ср.: *Karl Treimer*, **Das tschechische Rotwelsch. Entstehung und Schichten Heidelberg 1937**. стр. 18.

Закарпатско-украинское *кочия* подвода, повозка, воз < венг. *kocsi* то же в форме, снабженной притяжательной прилепой третьего лица ед. ч. *-ja*.

Закарпатско-укр. *сара* голенище < венг. (csizma) *szára* — ср. с соответствующим словацким заимствованием.

Закарпатско-укр. *талпа* подошва < венг. *talp* то же, в форме, снабженной притяжательной прилепой третьего лица ед. ч. *-a* (Ср.: „... *сара* з багария а *талпа* з онуч ...“ — из закарпатско-укр. народной песни).

г) Из сербо-хорватского языка: *fara* зад < венг. *far* то же в форме, снабженной претяжательной прилепой третьего лица ед. ч. *-a*: его зад (ср., напр. *hajó fara* задняя часть корпуса судна, корма), и т. д.

Сербо-хорватское *сара* голенище < венг. *szára* то же — ср. с соответствующим словацким заимствованием.

Сербо-хорватское *асна* польза < венг. *haszon* то же, в форме, снабженной притяжательной прилепой третьего лица ед. ч. *haszna* — его польза[15]).

Все эти разные грамматические формы могли восприниматься в заимствующих языках как им. п. ед. ч. соответствующего слова потому, что часто встречаемая венг. форма по своему окончанию легко могла включиться в морфологическую систему, точнее в систему склонений, соответствующих славянских языков.

Как нам кажется, вышеприведенными рассуждениями, а в особенности нашими примерами, нам удалось подтвердить положение о необходимости применения морфологической точки зрения в этимологических исследованиях.

CÎTEVA CONSIDERAŢII PRIVIND ÎMPRUMUTURILE DE CUVINTE

Rezumat

Comunicarea tratează problema procesului şi efectelor contactului lexical între limbi, cu aplicaţii şi exemplificări bogate din domeniul limbii maghiare şi al limbilor slave vecine.

Este de fapt o demonstraţie practică a importanţei principiului morfologic, adaptarea morfologică în cercetarea împrumuturilor; orice limbă care împrumută încadrează aceste elemente în sistemul său de morfeme. Adaptarea lor e cu atît mai radicală cu cît sînt mai îndepărtate genetic şi structural, astfel: mag. *pálcát* (acuz.) > cehă *palcat* în cazul nominativ, morfem specific, la feminin singular al acestei limbi etc.

---

[15]) Общее количество заимствований этого типа в разных славянских языках из венгерского доходит до нескольких десятков, нами приведены лишь немногие примеры из этого количества; и в венгерском языке есть заимствованные существительные, являющиеся заимствованием какого-либо слова не в им. п. ед. ч., но на них мы сейчас не останавливаемся; приведенные славянские примеры, как нам кажется, вполне достаточны, чтобы подтвердить правильность нашего положения.

QUELQUES PROPOS CONCERNANT LES EMPRUNTS DE MOTS

Résumé

La communication porte sur le problème du processus et des effets des contacts entre les lexiques des langues; l'auteur fournit de nombreux exemples pris dans la langue hongroise et dans les langues slaves voisines. C'est, en essence, une démonstration pratique de l'importance du principe morphologique—l'adaptation morphologique — dans l'étude des emprunts : toute langue qui emprunte fait entrer les éléments étrangers dans son système morphologique. L'adaptation est d'autant plus radicale que les langues sont plus éloignées du point de vue de leur structure. Par exemple : hongrois *pálcát* (accus.) > tchèque *palcat* au nominatif, morphème spécifique en tchèque pour le féminin singulier, etc.